

После возвращения в особняк принца через тайный ход, была уже глубокая ночь.

Ань Сюань ждал возле дортуара, и когда он увидел, что они возвращаются, то сделал несколько шагов вперед и сказал: "Его Королевское Высочество, кто-то идет из дворца".

Услышав это, Ле Чжи слегка нахмурился.

В этот час Цуй Фэн пришел в дом, зачем?

Но выражение лица Хуо Ду не изменилось, как будто он знал это. Ле Чжи недоверчиво посмотрел на него и последовал за ним в парадный зал...

"Увидимся с вашим высочеством, наложница". Цуй Фэн был очень вежлив. Последний указ произвел на него сильное впечатление. Он должен быть осторожен с этим принцем.

Хуо Ду легкомысленно ответил.

"Это действительно срочно, что старый раб беспокоит вас поздно ночью. В этом году в городе Шэнъян была сильная засуха. Хотя двор изъясил много средств на оказание помощи, ситуация ничуть не улучшилась, и теперь в городе царят насилие и хаос. По слову Его Величества, прошу Его Королевское Высочество принца. Отправляйтесь завтра утром в город Шэнъян, чтобы подавить беспорядки..."

Цуй Фэн сделал небольшую паузу, как будто о чем-то задумался.

"Завтра утром?" Ле Чжи был потрясен.

- Как это может быть так неожиданно?

Услышав это, Цуй Фэн опустил глаза и улыбнулся, но открыл рот в сторону Хуо Ду: "Есть некоторые вещи, которые старый слуга не должен был говорить, но когда наследная принцесса спросила, слуга сказал больше. Это поручение Его Величества изначально планировал поручить Третьему принцу, но вы также знаете, что произошло сегодня... Теперь, когда принцы еще молоды, могу ли я не заставлять вас трудиться в этот раз?"

Подумав об этом снова и снова, Цуй Фэн все же сказал это. Такой ****, как он, который был погружен во дворец большую часть своей жизни, естественно, знает правду, что катастрофа выходит из его уст. Однако с того дня, как третий принц вернулся в династию, он полностью принадлежал к лагерю королевы.

Хотя это было сказано им самим, на самом деле это был приказ королевы.

С повисшими на боку и спрятанными в рукавах руками, крепко стиснутыми в кулаки, Ле Чжи застыл на месте, не в силах реагировать какое-то время.

Теперь, когда слово было передано, Цуй Фэн тоже поклонился и удалился.

"Цуй Фэн." Хуо Ду остановил его, не поднимая век: "Я знал, что не должен этого говорить, но все равно сказал..."

То есть, искать смерть.

Он улыбнулся и махнул рукой: "Иди сюда, пошли евнуха Цуй".

Брови Цуй Фэна дернулись, все его тело беспричинно задрожало, а в сердце вдруг возник необъяснимый страх и раскаяние. Но слова уже были вывезены, а воду набрать трудно. Он нахмурился и вслед за слугой вышел из особняка...

"Иди, возвращайся в спальню". медленно сказал Хуо Ду.

В это время Ле Чжи, наконец, прояснил свои мысли. Она быстро шагнула вперед, чтобы остановить его, посмотрела прямо в его лаковые глаза и спросила слово за словом: "Кую, город Шэнъян, усмирение беспорядков... ты ожидал этих вещей рано утром? "

Ее голос слегка дрогнул, но глаза не изменились.

Во дворце Юннинга горел яркий свет, но императрица, которая должна была мирно спать, была опрятно одета, и на ее лице не было и следа сонливости.

"Королева довольна?" Хуо Чанъюнь сказал с улыбкой, но его тон был холодным.

Линь Ваньнин знала, что ей не удастся скрыть это от него, но все же притворилась глупой и ответила: "Что вы имеете в виду, Ваше Величество? Наложница не понимает".

Печь в спальне горела энергично, и уголь из серебряной нити внутри немного шумел. Освежающий аромат спокойствия, похоже, в этот момент не действовал, он был бесполезен, не в силах успокоить чей-либо разум.

Остановившись рядом с горелкой для благовоний, Хуо Чанъюнь повернулся и подошел к кушетке красавицы.

Линь Ваньнин сидела прямо на развале.

Он подошел к ней, поднял руку и сжал ее подбородок, пристально глядя на нее: "Королева так много сделала, а потому что ты мне не веришь?".

С силой сжав пальцы, он выдавил несколько красных следов на нежной коже. Линь Ваньнин слегка нахмурился и тихо сказал: "Наложница естественно верит в Ваше Величество, это Сюзэр разочаровала Его Величество."

"Ах."

Хуо Чанъюнь услышал жалобу, скрытую в ее словах, а затем отпустил и рассмеялся: "Королева думает об этом, с тех пор как он вернулся, сделал ли он что-нибудь похвальное?"

Услышав это, Линь Ваньнин печально поджала губы.

-Действительно, ни одного.

"Сейчас я все еще в душе министр, а меня разыгрывают на публике". Хуо Чанъюнь сказал глубоким голосом: "Но, несмотря на это, я все еще прощаю его".

После паузы он поднял глаза и продолжил: "Дело города Шэнъян, Цуй Фэн... Неужели королева все еще притворяется, что не понимает меня?"

Глаза Линь Ваньнин расширились в неверии. Она не удивилась, что город Шэнъян был ему известен. Но чтобы покорить Цуй Фэна, она спрашивала себя, все ли она делала без утечки информации. Как он узнал об этом?

Хуо Чанъюнь с удовлетворением наблюдал за ее меняющимся выражением лица, он протянул правую руку, чтобы взять ее профильное лицо, и слегка потер щеку мякотью большого пальца.

Его рука была ледяной и касалась лица, отчего Линь Ваньнин неконтролируемо задрожала.

Вскоре он убрал руку, повернулся и вышел из зала.

"Ваше Величество!" Линь Ваньнин была так напугана его сегодняшними действиями, что упала на колени и дрожащим голосом спросила: "Раз вы уже знаете, почему вы отпустили принца..."

Раз уж вы с утра пораньше разгадали мой неудачный план, то почему я толкнул лодку так гладко, как думал?

Хуо Чанъюнь сделал небольшую паузу, но не ответил. После полувдоха он поднялся на ноги и, не раздумывая, ушел.

Вскоре после ухода императора Ци матушка Цинь с тревогой вошла в спальню. Увидев Линь Ваньнин, сидящую в оцепенении, она в шоке подбежала к ней, помогла подняться и усадила на развалившуюся кровать.

"В эту суровую зиму, почему императрица сидит на земле?"

Линь Ваньнин слабо покачала головой. Она мельком взглянула на лицо Матушки Цинь и спросила: "Что случилось?".

"Если вернуться к императрице, то евнух Цуй отправился в княжеский особняк, чтобы передать весточку, но в данный момент он еще не вернулся во дворец..."

"Не нужно ждать". Линь Ваньнин поджала губы и грустно улыбнулась: "Он не может вернуться".

Услышав это, матушка Цинь была ошеломлена: "Ты хочешь сказать, что его отдал принц..."

На его бледном лице появилась улыбка, вызвав у людей чувство облегчения. Линь Ваньнин утвердительно покачала головой: "Не принц".

Цуй Фэн, который был рядом с Хуо Чанъюнем с самого рождения, усердно трудился десятилетиями. Но даже так, разве он не убил его?

Ее подушка, сердце и кровь похолодели.

"Матушка Цинь... Матушка Цинь!" Линь Ваньнин внезапно крепко схватила Матушку Цинь за руку, и она потеряла контроль над своими эмоциями, ее тон был паническим: "Он такой жестокий, если он узнает о деле Хуо Сяо, он, он..."

Мое сердце сжалось, и я боялась подняться всем телом: "Как вы думаете, он давно знал, что тогда произошел несчастный случай..."

"Госпожа!"

Матушка Цинь увеличила громкость и вовремя вывела Линь Ваньнин из паники. Она похлопала ее по спине рукой и утешила низким голосом: "Мама, не волнуйся, во всем есть слуги, не бойся".

Под утешениями матушки Цинь Линь Ваньнин наконец заснула.

Глядя на изможденное лицо упавшего человека, Цинь Нань в расстройстве нахмурилась.

-- На протяжении многих лет она заботилась о королеве. Хотя она и господин и слуга, она относится к ней как к собственной дочери. Когда госпожа привела ее с улицы, она обращалась с ней очень хорошо. С тех пор как госпожа уехала, она взяла на себя ответственность матери для госпожи. Большую часть своей жизни королева опекала семью Лин и своего сына. Без нее семья Лин давно бы пришла в упадок.

Если бы то, что произошло тогда, стало известно, она бы позаботилась обо всем за королеву.

Она ни о чем не жалеет.

Ночь была настолько густой, что ее невозможно было растворить, и императорский сад молчал.

Неосознанно Хуо Чанъюнь подошел к краю знакомого дерева красной сливы и остановился. Дворцовые люди стояли позади него, изо всех сил стараясь не дышать, не смея нарушить спокойствие императора и разгневать Лунъяна.

Только что вопрос Линь Ваньнина все еще звучал в его ушах, Хуо Чанъюнь смотрел на красную сливу, цвет которой не мог быть ясно виден в темноте, его глаза были тяжелыми.

-- Зная о ловушке, которую Линь Ваньнин устроил в городе Шэнъян, зачем было отпускать Хуо Ду?

Лаковые глаза слегка дрогнули, и он вдруг не решился посмотреть прямо на дерево красной сливы. Но уже через мгновение выражение его лица вернулось к нормальному.

Холодный ветер внезапно усилился, густые облака унесло прочь, а яркая луна и звезды пролили холодный свет на землю.

Красные сливы похожи на кровь, скорее на огонь.

Огонь... Хуо Чанъюнь вспомнил пожар на горе Каньян.

Его руки сжались в кулаки, а гнев на лице был скрыт темнотой.

Каждый горный хребет в Даци связан с судьбой страны.

Этот ублюдок посмел сказать, что она сгорит. Для женщины его разум не ясен.

Тогда поездку в город Шэнъян следует рассматривать как наказание, данное ему отцом. Это и наказание, и испытание.

Если он сможет пережить это бедствие, он будет достоин трона; если нет...

Хэ Хуо Чанъюню не нужен бесполезный сын.

Мысли постепенно возвращались.

Он сделал несколько шагов вперед, сорвал красную сливу, положил ее себе под нос и слегка понюхал.

"Да."

Хуо Ду посмотрел на лиса глазами, полными удивления, и признал. Глядя друг на друга, он не мог ей солгать.

Ощущение было такое, словно в сердце вонзили кончик ножа, а боль была наполнена тонким онемением. Ле Чжи не могла не сделать шаг назад и чуть не постучала в дверь...

Видя это, Хуо Ду подсознательно протянул руку, чтобы помочь ей. Но она тут же подняла руку, чтобы заблокировать его, она подняла глаза, ее вороньи веки затрепетали: "Позвольте мне... позвольте мне помолчать".

Не дожидаясь ответа Хуо Ду, она повернулась и вышла из зала.

На улице дул холодный ветер, но ветки колы совсем не чувствовали холода. Она изо всех сил старалась успокоиться, сортируя свои мысли с самого начала.

Она думала, что ее план был идеальным: сотрудничать с Шэнь Цинъянь, использовать силу Шэнь Сяня, чтобы напасть на Хуо Сюя, и позволить Шэнь Цинъянь сбежать...

На самом деле, она была спокойна, пока не появился Цуй Фэн. Нынешнее положение Хуо Сюя, его трагическое падение и глупость, что он не сомневался в ней, - все это заставляло ее чувствовать себя счастливой.

Неожиданно радость породила печаль.

В гареме бывшей династии было беспокойно. Она сделала все расчеты, опустив Хуо Сюя, хорошую мать, и проницательного императора Ци. По сравнению с ними она еще слишком незрелая...

Туман перед глазами накапливался все больше и больше, и после того, как длинные ресницы окрасились, они упали одна за другой. Она упрямо подняла руку и усердно вытирала их, но чем больше она вытирала, тем больше ей удавалось вытеретьь.

Почему общежитие так далеко? Она долго шла и не приходила.

Наконец она не удержалась, села на корточки и зарылась лицом в колени, тихонько плача.

Вдруг теплая ладонь погладила ее по макушке. Ле Чжи медленно подняла голову и безучастно уставилась на человека, сидящего в белом нефритовом кресле. Ее эмоции были сложными, а в глазах отражалось смятение и гнев.

Она незрелая и легкомысленная. Но Хуо Ду явно знал о ней, и даже знал о хаосе в городе Шэньян... Он мог бы сказать ей об этом раньше и позволить ей скорректировать свой план.

Если так, то он не будет замешан в этом деле, и отправится туда, где повсюду беспорядки и хаос...

"Почему?" Ле Чжи повысила голос и спросила его.

"Чтобы увидеть, как ты смеешься".

Хуо Ду пристально посмотрел ей в глаза и сказал как само собой разумеющееся.

<http://tl.rulate.ru/book/72434/2055667>